

Головоломка

Яшви Садхир

Яшви проснулась, когда было еще совсем темно. Волосы прилипли ко лбу, а сама она тяжело дышала, словно только что закончила спасаться бегством. Сонгцэн спал рядом, снаружи снова начался снегопад. Было очень тихо, настолько, что казалось бы, будто тишина звенит, если бы тишину не нарушало шумное дыхание Яшви. Она осторожно вылезла из-под одеяла, закуталась в теплый платок и пошла к кувшину с водой, стараясь ступать тихо. Вода была ледяной, но хорошо прогоняла остатки сна. Яшви задержалась у столика с кувшином, чтобы немного перевести дух, и убрала с лица налипшие на него волосы. Ей не приходилось мучительно вспоминать увиденное, оно и без того было слишком ярким.

Это было без места и времени. И снова тысячи окружающих ее душ, но смотрели они не на нее, а куда-то вперед, все - в одну точку. Туда, где раньше на горизонте высилась огромная многорукая фигура, неизменно присутствуя в каждом ее сне. Сейчас фигуры не было, там был всадник, не имеющий с ней ничего общего. Яшви не могла рассмотреть ни его фигуры, ни лица - в глаза било заходящее кроваво-красное солнце, лишь подсвечивая фигуру. Смотреть на нее было почти больно. Конь встал на дыбы, фигура взмахнула в воздухе кривой монгольской саблей, и тысячи душ опустились на колени, не сводя взглядов с величественной фигуры. Что-то важное сейчас происходило, Яшви шагнула вперед, шаг, другой-третий, затем сорвалась на бег, торопясь успеть, чтобы увидеть эту фигуру ближе, но чем быстрее она бежала, чем ближе становилась фигура, и сильнее светило солнце в глаза, и под конец взглянуть на нее было уже невозможно. Яшви вскинула руку, защищая глаза от яркого света, и тут проснулась.

Ее не покидало ощущение, что она видела что-то важное, но увиденное оставило у нее больше вопросов, чем дало ответов. Яшви сделала еще один глоток холодной воды и плотнее закуталась в шаль.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

В Алтае Сонгцэн спал крепко, потому что уставал за день. Эта усталость была приятной, но все равно нужно было восстанавливать силы перед тем, как утром снова впрягаться в повседневные дела, которые привыкли выполнять Лисы. Этой ночью он не сразу заметил, что Яшви проснулась и встала с кровати. Ему что-то снилось, он перевернулся на другой бок, но затем все же открыл глаза и привстал на кровати. Яшви пошла пить воду. Сонгцэн повернулся к ней и удобнее лег в кровати.

- Все в порядке? - сонно спросил он.

Яшви могли сниться сны о том, что ей хотели поведать духи. Это бывало редко, обычно она спала всю ночь, не просыпаясь, или он просто не замечал её пробуждений.

Спину немного ломило, хоть Сонгцэну казалось, что накануне он сделал не так уж много. Переделали сарай, перетаскали туда мешки с кормом, заготовленным с лета,

которого было впритык, чтобы прокормить поголовье скота, который оставили на зиму.

Яшви Садхир

Проснулся Сонгцэн, хотя Яшви была уверена, что она не шумела и даже когда поднималась с кровати, умудрилась встать так, что не скрипнула ни одна пружина или старая половица, которыми был покрыт пол, а многочисленные толстые ковры скрадывали ее шаги. Она повернулась к принцу, держа в руках чашку с водой, уже наполовину опустевшую.

- Мне был сон, - не видя смысла скрывать произошедшее, ответила она, затем допила воду и поставила чашку обратно на столик. В доме было уже не жарко, но пока еще и не холодно, и Яшви подбросила в печь несколько деревянных чурок, чтобы к утру дом не остыл. Дерево было дорогим, но на отоплении не экономили. - Но я мало что поняла.

Она вернулась обратно в кровать, забираясь под теплое одеяло, нагретое теплом тела Сонгцэна, и прижимаясь к мужу, чтобы согреться побыстрее, потому что успела немного озябнуть спросонья. Она решила, что сейчас нет смысла заводить об этом разговор, может быть, за остаток ночи ей что-то еще приснится, что немного прояснит увиденное ею.

- Спи, я расскажу утром, - Яшви удобнее устроилась на подушке и закрыла глаза, надеясь, что сон все же к ней придет, и Сонгцэн не успел окончательно проснуться, чтобы не уснуть сейчас. - Может быть это все ерунда.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн обнял Яшви, когда она вернулась под одеяло. Он знал, что она замерзала быстрее, чем он, а к середине ночи печка в доме была уже не такой горячей.

- Как скажешь, - ответил Сонгцэн. - Тогда давай спать.

Он коснулся губами плеча Яшви и поправил одеяло. Её сны почти всегда что-то значили. Он в этом убедился тогда, когда она пришла накануне битвы с Шакалами. В тот день Яшви выжила, вопреки всему, а Сонгцэн стал прислушиваться к тому, что говорили её духи. Но её предсказания обычно касались Лис, а не лично Явши.

Если бы сон касался его или её, она бы рассказала. Во всяком случае, Сонгцэн на это надеялся. А вот в дела Лис его почти никогда не посвящали, несмотря на то, что начали ему доверять. И даже после того, как он ни разу не упал с лошади, пока загоняли кобыл на дойку, что он считал своим большим достижением.

Яшви Садхир

Яшви долго не могла уснуть, но старалась не ерзать и не крутиться, чтобы не будить Сонгцэна, который уставал намного больше, занимаясь более тяжелой, мужской, работой. Она старалась разобраться в том, что ей приснилось, но обычно духи давали ей четкие ответы, а здесь она видела фигуру всадника, которой поклонялись. В руках у фигуры была монгольская сабля, но это все, что указывало

на принадлежность этой центральной фигуры сна к монгольским кочевникам. Это мог быть кто угодно.

Она знала, что некоторые шаманы владеют такой техникой, как контролируемый сон, когда могут задавать направление своего сновидения. Но она сама никогда с таким не работала, а спросить сейчас было не у кого. Не то, чтобы она пошла посередине ночи к какому-нибудь сильному шаману, который вдруг обозначился в округе, но ей хотя бы можно было спросить его утром. Яшви просто думала о том, что было бы неплохо увидеть этот сон еще раз, чтобы постараться в нем разобраться получше.

В итоге она все же задремала в руках принца, и непонятно, сработало ли ее убеждение, или это было лишь волей духов, но она снова видела эту ослепительную фигуру вдалеке, смотреть на которую было больно глазам. Но она не увидела ровным счетом ничего нового. Несмотря на то, что на этот раз она не стала пытаться приблизиться к фигуре, а осталась на месте, сон закончился также, как и в первый раз - когда смотреть на всадника стало невыносимо, Яшви проснулась с ощущением боли в глазах. Было уже утро, и нужно было вставать, чтобы снова топить печь и ставить завтрак.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Яшви ничего не стала говорить. Она уснула не сразу, хоть и пыталась не шевелиться. Сонгцэн еще некоторое время не спал, но, когда понял, что девушка заснула, перестал и сам бороться со сном. До утра он не просыпался, провалившись в какой-то бессвязный ничего не значивший сон, который просто был нужен для того, чтобы голова отдохнула от дневных мыслей.

Когда Яшви проснулась утром, как обычно, раньше него, Сонгцэн еще спал. В Линь Ян Шо он привык просыпаться ранним утром, но после того, как экзамен в клане успешно прошел, Сонгцэн все чаще ленился. В последнее время он обычно просыпался следом за Яшви, когда замечал, что она выбирается из-под его руки, или просто, что уже не лежит рядом. Поначалу ему это казалось неправильным, потому что расслабился, разленился, и нужно вставать самому и раньше. Потом понял, что в мире есть другие поводы, чтобы из-за этого заморачиваться, а сон нужен для того, чтобы днем было больше сил.

Яшви Садхир

Яшви переделалась из ночной рубашки в простой домашний дэгэл, собрала волосы в высокий пучок и пошла умываться в небольшой коридорчик, где было намного холоднее, а вода в кувшине покрылась тонким слоем ледка, и ей пришлось сломать его перед тем, как налить воды в таз. Она продрогла буквально до костей, поэтому поторопилась вернуться обратно в комнату и снова сунуть в печь дрова, которые весело затрещали, разгоревшись от все еще не потухших с ночи углей.

В отличие от эме, Яшви не старалась прослыть хорошей хозяйшкой, и не видела особой радости в том, чтобы днями и ночами стоять у очага. И в основном на завтрак ограничивалась тем, что быстро жарила лепешки, ставила монгольский чай и доставала из подпола, где было холодно, как в сугробе, сыр и вяленое мясо. Конечно, после разносолов в резиденции Кобр эта еда была более, чем скромной,

но Яшви брала на себя много домашних дел в доме Чаалун, чтобы дать эме возможность заниматься только кухней, и обедали и ужинали они обычно в доме деда и бабушки, собираясь за столом большой семьей. Но тащиться туда на завтра Яшви считала бессмысленным, и ей нравилось проводить эти утренние минуты наедине с принцем. К тому же эти заботы позволяли немного забыть о странном сне, но сегодня Яшви все равно продолжала о нем думать, помешивая густой чай ложкой на длинной деревянной ручке или нарезая толстые ломти сыра и мяса.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн проснулся, когда Яшви уже вовсю готовила завтрак. Ему было совестно, что эту работу выполняла она, потому что в семье его родителей все было иначе. В Линь Ян Шо все ходили на завтрак в столовую монастыря, а в Покхаре готовили служанки. Мать не умела готовить в принципе, могла только чай заварить, но это была церемония для размышлений, а не готовка.

Сонгцэн оделся, заправил кровать и подошел к Яшви. Ей шли монгольские одежды. Оказавшись среди Лис, она преобразилась, как всякий, кто находит свое место. Как драгоценный камень, который сияет ярче в окружении себе подобных.

- Доброе утро, - сказал Сонгцэн. Он обнял Яшви за талию со спины и поцеловал девушку в щеку. - Тебе помочь?

В доме было тепло - печь снова разгорелась. Огонь нужно было поддерживать целый день, даже если в доме никого не оставалось, иначе камни промерзали, и стены не могли прогреться даже за несколько часов, что горела печь.

Яшви Садхир

Яшви почти закончила с завтраком, когда проснулся Сонгцэн. Она не считала, что делает какую-то удивительную работу, которую они должны делить пополам, и совершенно не имела ничего против, что Сонгцэн в это время спит. Яшви это казалось проявлением заботы, ведь она давала ему отдохнуть после тяжелого дня.

- Доброе утро, - сказала она, и поцеловала принца в ответ. До сих пор было немного странно, что они жили отдельно совсем одни в целом доме, потому что даже во дворце стоило выйти в коридор, чтобы обязательно наткнуться на кого-то из слуг. И не все из них действительно были заняты работой, некоторые только виртуозно делали вид. Но в том, чтобы жить отдельно ото всех, была и своя прелесть, и Яшви больше нравилось так жить, чем нет. - Я уже почти закончила. Но там в коридоре закончилась вода. Принесешь еще?

Такой уж необходимости в этом не было, она могла и сама справиться, но вдвоем они разберутся с этим быстрее, а она пока может накрыть на стол к завтраку. Она переставила на столик миски с готовым сыром и мясом, перелила чай из чугунка в чайник и тоже отнесла на стол. Но мысли ее были далеки от завтрака, там, во сне, когда она все еще силилась рассмотреть хотя бы фигуру всадника чуть подробнее, не говоря уж об его лице.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэну нравилось видеть, как Яшви хлопочет по дому, и делать что-то в ответ. Он сейчас чувствовал, что мог бы здесь остаться надолго, если бы не было обязательств перед кланом и монастырем. Он чувствовал себя полезным в Алтае. Когда он занимался не чем-нибудь, лишь бы не сидеть без дела. У Лис не хватало рук, и он был здесь как никогда на своем месте, хоть и был просто чужаком, которому доверяли.

- Да, сейчас схожу, - ответил Сонгцэн.

Сонгцэн вышел во двор, где был колодец, вода в котором покрывалась тонкой ледяной коркой, и её нужно было разбить, спуская ведро. Он набрал два ведра, которые отнес в дом. Умылся, чего не успел сделать до того, как пошел к Яшви, затем вынес во двор ведро из-под умывальника, воду из которого вылил за дом туда, где она не мешала.

Он вернулся в дом, когда Яшви наливала чай, от которого пахло маслом и мукой. Многие здесь нравилось Сонгцэну больше, чем в Покхаре. Как минимум то, что они могли быть только вдвоем.

Яшви Садхир

Яшви накрыла на стол и дождалась, пока вернется Сонгцэн, который пошел набирать воду. Колодец, который к утру замерзал, был сразу во дворе, и магу Воды вроде принца Кобр вряд ли составило много трудностей разобраться с этим льдом и водой. Она пригласила его за стол и села сама, принявшись разливать горячий ароматный чай по глубоким большим пиалам. Яшви категорически не устраивали маленькие чайные чашечки, из которых китайцы пили свой зеленый чай, потому что там чая-то на два глотка, ни согреться, ни насладиться вкусом. То ли дело эта суповая миска.

- Сонгцэн, о том сне, - не сразу начала Яшви. Это все была не ерунда, как она предположила ночью, это было что-то важное, но что она не могла понять. - Я думаю, мне нужно встретиться с кем-то из шаманов соседних племен. Я не поняла, что видела, но это очень важно. Я никогда не видела столько духов сразу.

Даже в предыдущие разы, когда ей казалось, что духов много, это количество не шло ни в какое сравнение с тем, что было на этот раз. Словно все души умерших собрались в одном месте в одно время, поприветствовать и отдать почтение этому всаднику, но кто он был? Откуда? Как его зовут? Что он сделает, что это заставит всех склонить перед ним головы?

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн сел за стол, потому что завтрак уже был готов. Он помнил, что Яшви просыпалась ночью, и был готов выслушать её сейчас.

- Ты знаешь кого-то еще из шаманов Лис? - спросил он.

Духи приходили к Яшви, когда считали, что им есть что сказать. Сонгцэн плохо это все понимал, но доверял супруге, которая уже научилась слушать мертвых, что приносили ей важную для Лис информацию. Если их было много, это означало, что

информация касалась тоже многих, и была очень важной. Большого Сонгцэн понять не мог, даже если бы Яшви рассказала о своих видениях. Вряд ли мертвые Лисы были готовы больше общаться с чужаками о своих делах, чем живые.

Сонгцэн уже привык к тому, что Алахчит и старейшины говорили с Яшви о делах только тогда, когда его не было рядом. Они и так выказывали ему максимально возможное доверие, позволив заняться делами в деревне. Перед чужаком они бы держали лицо, что мол и сами все могут.

Яшви Садхир

Яшви задумалась, к кому можно бы было обратиться. Маленькие кланы Лис были рассыпаны по всей Монголии, и практически не пересекались в степи, за исключением осени, когда все Лисы собирались на совете. Но Яшви пропустила совет и упустила возможность получше узнать родственные кланы. Она лишь единожды видела старого шамана Дорджсурена, всего обвешанного лентами, костяными ожерельями и с черепом степного орла на шапке.

- Я один раз видела старого Дорджсурена, когда мы проезжали через Манхан. Его клан стоит в Таграге. Весной мы дошли до туда за двое суток, но лошади шли шагом и с нами было много груженных обозов. Вряд ли сейчас по таким дорогам туда можно добраться быстрее. Но он опытнее, он говорит с духами больше моего.

Вполне возможно, что он даже ее не помнит. В то время Яшви только начала свое путешествие с Лисами, и еще не набралась их храбрости и наглости, а потом старалась держаться позади Алахчит, которая со всеми, кто бы перед не ни был, была приветлива и улыбочива, и с легкостью заводила разговор. Яшви до такого виртуозно мастерства общения с людьми было также далеко, как пешком до Европы.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Если хочешь, я съезжу туда с тобой, - предложил Сонгцэн.

Он взял лепешку и завернул в неё кусок мяса. Дорога через зимнюю степь была сложной, но он считал, что вдвоем с Яшви они смогут добраться до Таграга без особых приключений. Местные лошади умели бегать по снегу, много вещей было ни к чему везти, и путь должен был занять меньше времени, чем у каравана Лис, который шел, ориентируясь на тех, кому было тяжело сидеть в седле.

- Может, Алахчит захочет что-то передать Лисам в Таграге, или заодно нужно будет заехать в магазин или на почту, - сказал Сонгцэн.

Он запил лепешку с мясом горячим чаем. Этот напиток был достаточно крепким, чтобы прогнать остатки сна. Лисы жили обособленно, они привыкли обходиться тем, что производили сами, но зимой непросто добраться до цивилизации, если нужно было купить какие-то мелочи или связаться с внешним миром.

Яшви Садхир

Яшви, как всегда, начала трапезу с приличного глотка горячего густого чая, и лишь

потом взяла лепешку и сыр. Она привыкла плотно завтракать, потому что непальцы не ели в середине дня и дожидались шестичасового ужина, а тяжелая работа всегда требовала много физических сил. Теперь у нее была возможность отойти от старых непальских привычек и традиций, но все равно завтрак оставался ее самым любимым приемом пищи.

- Мне будет приятно, если ты поедешь, - ответила Яшви. Она бы поняла, если бы Сонгцэн предпочел остаться в клане, где к нему хорошо относились. Ему доверяли, пусть и не в том объеме, в котором он ожидал, потому что дела клана предпочитали не обсуждать в его присутствии, но Яшви не видела в этом ничего странного. Он был не только ее мужем, но в первую очередь принцем клана Королевских Кобр. Клана пусть и союзного, но Лисы не привыкли выносить сор из избы, а сейчас их положение было незавидным.

- Я думаю поехать завтра. Тогда мы вернемся к концу недели. Если не будет метели, мы не задержимся в Таграте надолго, - стояла середина зимы, и случиться могло что угодно. Но Яшви не хотела медлить. Если духи хотели сказать ей что-то важное, то она должна была выяснить, что именно, и почему именно ей, а не кому-то более подходящему. Она должна была разобраться, прежде чем говорить об этом с Алахчит.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Хорошо, тогда сегодня нужно успеть побольше сделать, - сказал Сонгцэн. - Хотя бы наколоть дров, чтобы хватило на эту неделю, и поправить загон для коз.

Но сначала нужно было разобраться со снегом, который навалил за ночь. Это уже было для Сонгцэна чем-то вроде утренней разминки, потому что небеса явно решили обрушить на Алтай все годовые запасы снега в эти дни, и почти каждую ночь начинался очередной снегопад. Говорили, что это к теплоте лета, но Сонгцэн плохо разбирался в таких приметах. До этой поездки он видел снег только на горных вершинах и изредка в виде тибетских снегопадов, при которых снежники таяли до того, как успевали покрыть землю.

- Я еще узнаю у Их-Чэрэн гуая, какие у него были планы на меня на эти дни, думаю, еще что-нибудь успею, - добавил Сонгцэн.

Ему нравилось работать руками. Когда он видел, что смог починить крышу или выправить забор, он чувствовал, что принес пользу.

Яшви Садхир

Сонгцэн уже рассуждал так, как рассуждает любая Лиса, просыпаясь утром и планируя свой день. В деревнях всегда много дел, даже когда кажется, что все важное уже закончилось, находится что-то, что нужно сделать. Поэтому и жили большими семьями, не разбредаясь по отдельным домам - и теплее, и веселее, и быстрее все можно было сделать вместе. Яшви уставала к вечеру, но эта усталость не имела ничего общего с той, что она испытывала, делая все то же самое в Риване. Здесь она ела досыта, спала вдоволь, хоть и просыпалась рано, чтобы заняться завтраком, а, главное, здесь были люди, которые были ей родными. И, падая вечером в кровать от усталости и прижимаясь к Сонгцэну, Яшви чувствовала

приятное удовлетворение от проделанной работы, а не только желание наконец уснуть, чтобы хотя бы во сне стало чуть легче.

- Хорошо, - она допила чай и налила себе еще немного. - Я схожу к Алахчит, предупрежу ее и спрошу, нужно ли что-то купить.

Ей бы хотелось весной уйти вместе с кланом и принцем в степь, чтобы показать ту кочевую жизнь, которая ей так нравилась. Когда проводишь в седле весь день, преодолевая огромное расстояние, а под вечер быстро разбиваешь стоянку, чтобы наутро пойти дальше. Сидя во дворце и лишь изредка выбираясь поездить верхом на Вороне, Яшви чувствовала себя прикованной кандалами к стене, длины которых едва хватало, чтобы немного проехать вдоль озера Фева.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Хорошо, - Сонгцэн кивнул.

Жизнь с Лисами многому его научила. Не только позволила посмотреть на совершенно другой уклад жизни, который был ему очень интересен, но и банальным бытовым вещам. Сонгцэн чувствовал, что к концу их пребывания в Алтае он научится еще доить коз и лошадей и будет свободно говорить на монгольском языке. Он уже сейчас понимал почти все, о чем говорили Лисы, но пока не все мог выразить сам, то и дело переходя на непали.

- Я думаю, что с Номинжин и Тамерланом ничего не случится за это время, - добавил Сонгцэн. - И за ними присмотрят.

За эти дни у бывшей принцессы Рысей и её ребенка не было каких-то проблем со здоровьем, которые требовали бы вмешательства. Пару раз у младенца появлялась красная сыпь, в первые дни шелушилась кожа, но тут помогла повитуха, которая объяснила, что это все нормально, и ничего делать не нужно. Для Сонгцэна главным было, что младенец нормально дышал.

Яшви Садхир

- Номинжин все время рвется работать, ей кажется, что она только лежит и ничего не делает. Глупая девчонка, - проворчала Яшви. - Сейчас ей надо думать о младенце и спать, пока он спит и никуда не лезет. Потом будет мечтать о том, чтобы выспаться.

Чаалун относилась к бывшей принцессе понимающе, иногда подкидывала какую-то несложную работу, чтобы та не скучала целыми днями. Яшви на ее бы месте отсыпалась впрок, она знала, какими несносными могут быть дети, когда перестают спать ночами. Она пыталась втолковать это Номинжин, но та недоуменно оглядывалась на младенца, безмятежно спящего в плетеной люльке, и Яшви понимала, что все ее доводы разбиваются здесь и сейчас.

- Нас не будет всего несколько дней, лекарь Чалуун и Цотан-гуай присмотрят за ней. В доме тепло, младенец не замерзнет, он хорошо набирает вес. Пока маленький, но Цотан-гуай говорит, что сильный, много жизни.

Повитуха не сомневалась в том, что мальчишка переживет зиму. Не для того появлялся на свет на два месяца раньше, чтобы так быстро сдаться. Яшви была уже просто рада тому, что ей не нужно думать ни о беглой принцессе, ни о ее ребенке, потому что мыслями это неизменно возвращало ее к собственным мифическим детям, которых никогда может и не быть.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Номинжин хочет быть полезной, - ответил Сонгцэн. - Ей неловко, что Лисы её приютили и за ней ухаживают, а она ничего не делает.

Это была не та принцесса, которая привыкла, что ей прислуживают. Та, от кого могла отречься семья за побег с ненавистной свадьбы, привыкла не доверять тем, кто в ней не нуждался. Сонгцэн понимал Номинжин, ей было бы проще, если бы она видела, что приносит пользу. Скоро она наберется сил, и будет делать все возможное, чтобы оправдать свое здесь присутствие.

- Ей воспитывали, как принцессу клана, - продолжил Сонгцэн. - С пониманием, что она всем кругом должна. Сбежав, она нарушила правила, но не перестала быть той, кем её воспитали. Алахчит со временем стоит к ней присмотреться и занять делом.

Принцесс воспитывали не так, как наложниц. Они понимали, что должны быть готовыми на все ради своего клана. Они получали хорошее образование, во многом разбирались, но при этом были готовы подчиниться решению о династическом браке.

Яшви Садхир

- Ей и не нужно сейчас ничего делать, ей нужно восстанавливаться и быть рядом с ребенком, - упрямо повторила Яшви. Неловко ей ничего не делать. Зато потом будет ловко ловить выпадающие органы и мучиться болями и прочими радостями тяжелой физической работы после родов. Но Номинжин этого не понимала, потому что в силу молодости восстанавливалась быстро и чувствовала себя хорошо. Но все приходит с годами и последующими родами. Если Номинжин захочет, она сможет выйти замуж за кого-то из Лис, никто не будет этому препятствовать. Как и тому, если она решит никогда больше не заводить отношения с мужчинами.

Алахчит живо интересовалась новыми обитателями клана, было видно, что у нее есть какие-то мысли насчет этой принцессы, но пока Алахчит молчала и хитро улыбалась как умеют улыбаться только лисы, когда что-то задумали. Яшви не стала ничего выпытывать. У нее пока были довольно странные чувства к Номинжин и ее ребенку, и она старалась поменьше с ними обоими пересекаться.

- Если у нас будет девочка, - вдруг сказала Яшви. - Не хочу, чтобы ее воспитывали как принцессу клана, чтобы она думала, что всем должна.

Она была бы спокойна, если бы ребенок воспитывался в клане Лис, но, как наследник Кобр, он скорее всего все время будет проводить в резиденции. В резиденции, полной Кобр. Это даже звучало уже страшно.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн удивился, что разговор зашел в это русло, потому что недавно Яшви говорила о том, что вообще не хочет заводить детей. Сам он считал, что этот вопрос можно было надолго отложить и сейчас особо не задумываться.

- Наш ребенок будет наследником клана. Не важно, мальчик или девочка, - сказал Сонгцэн.

Его воспитывали как будущего правителя клана. И он не мог сказать, что никому ничего не должен. Интересы клана для него были выше личных. Он рассматривал свою будущую судьбу только в контексте жизни своего клана. И понимал, что его ребенку будет уготована та же участь. Сонгцэн не считал это тяжелым бременем, просто он нес ответственность не только за себя.

- Я не знаю, где та грань, что отделяет личную свободу от интересов клана, - добавил Сонгцэн. - Я готов умереть за Кобр и жить за них. Но получил достаточно свободы, чтобы быть с тобой здесь и сейчас. Я думаю, что у нашего ребенка должна быть та же свобода. И он будет как минимум в праве выбрать себе жену или мужа.

Яшви Садхир

Яшви хотела излишне эмоционально бросить резкое "Тогда у нас никогда не будет детей", но сдержалась и все-таки промолчала. Они уже это обсуждали, но не пришли ни к какому решению. Ни к одному из тех, что устроило бы их обоих и клан Кобр, интересы которого представлял Сонгцэн. Лисам было все равно, соберется она рожать ребенка или нет, они не имели на него никаких прав, и скорее ожидали, что детей у нее не будет - шаманки редко когда отвлекались от общения с миром духов на деторождение - трансы во время беременности могли быть опасны для матери и ребенка, потому что сильно утомляли.

Она посмотрела на свою снова опустевшую пиалу из-под чая, но больше наполнять ее не стала, иначе этот завтрак грозил перерасти в слишком сложный разговор. У них с Сонгцэном было слишком разное понятие свободы и несвободы, чтобы они могли об этом спорить.

- Я уберу со стола, - решила она, понимая, что не хочет продолжать этот разговор и вообще уже жалея, что завела его. Она принимала мнение Сонгцэна, и где-то внутри с ним соглашалась, но пока не была готова согласиться и вслух. - Сегодня надо закончить с делами и собраться.

Мысленно она снова вернулась к своему странному сну, который нес в себе больше, чем она могла понять. Но одно она понимала ясно - грядут большие перемены. Понять бы еще, какие.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Яшви закрыла тему, которую Сонгцэн не стал развивать. Пока тема будущего ребенка была для них очень сложной, и её все время хотелось отложить на потом. Сейчас все равно было рано об этом думать. Потом будет понятно, как все сложится. Кобры были для Яшви чужим кланом, она пока не могла найти свое место

во дворце и привыкла только к тому, что нужно было прислушиваться и ждать очередные проблемы от гарема. Сонгцэн надеялся, что со временем все будет иначе. Что после того, как у них появится больше реальных дел в Покхаре, Яшви будет иначе воспринимать тех, кто там её будет окружать. Гарем - это не все Кобры. Сонгцэн допил свой чай.

- Я помогу, - сказал он и встал из-за стола. - Давай я помою посуду?

Вода, которой нужно было отмывать жирные от монгольского чая чашки, была ледяной. Это не было проблемой для Сонгцэна, но вряд ли нравилось Яшви. Вода в колодце, из которого ведра были принесены несколько минут назад, покрывалась коркой льда, она не могла нагреться даже до комнатной температуры за то время, что простояла в доме.

Яшви Садхир

Яшви не привыкла, чтобы посуду мыли мужчины. Обычно они практически не касались домашних дел, потому что и помимо посуды им было, чем заняться, дровами, ремонтом, скотом, телегами под обозы, словом, для Яшви было привычнее самой разобраться с посудой. Но в монастыре уборкой после трапез занимались в том числе и мужчины тоже, и в этом было что-то такое, что нельзя было не одобрять. Учитывая, что в монастыре Сонгцэн был мастером, а не принцем, Яшви догадывалась и о том, что ему вместе со всеми приходится выполнять всю подобную работу.

- Давай, - согласилась она, лишь ненадолго задумавшись. Вода была холодной, а Яшви терпеть не могла холодную воду, от которой сразу начинали ныть руки, вспоминая долгие часы стирки еще когда она жила в Риване. А тратить горячую воду на пару чайных чашек и тройку-другую мисок ей казалось расточительством. Сонгцэну в этом плане было намного проще. - Спасибо.

После завтрака она собиралась зайти сначала в деду и эме, чтобы узнать, не нужно ли им сделать что-то очень срочное, может быть, требуется какая-то помощь, которую лучше будет взять на себя Яшви, более молодой и сильной. А уже после нужно сходить к Алахчит и сказать ей о своих мыслях. Не обо всех, только о тех, что касались предстоящей поездки. О цели Яшви пока не хотела говорить, чтобы не давать хану ложных надежд. Яшви могла умолчать о том, что видела, списав это на непонятные знаки. Но если в этих непонятных знаках кроется что-то еще, лучше знать об этом наверняка.
